

Годъ 19-й.

Кн. LXXIV.

ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Изданіе Этнографическаго Отдѣла
ИМПЕРАТОРСКАГО Общества Любителей Естествознанія,
Антропологии и Этнографіи,
состоящаго при Московскомъ университетѣ.

1907, № 3.

Подъ редакціей

Предсѣдателя Отдѣла В. Ф. Миллера

и

Соварища Предсѣдателя Н. О. Ангука.

МОСКВА.

Т-во А. А. Левенсонъ. Коммисіонеры ИМПЕРАТОРСКАГО Общества Любителей Естествознанія въ Москвѣ. Тверская, Мамоновскій пер., д. с.

1907.

О л я н ь

(киргизская любовная пѣснь).

Лицо твое какъ наливное яблочко,
 Сокъ усть твоихъ какъ медъ;
 Быть можетъ, въ раю Хуры ¹⁾ красивѣе тебя,
 На этомъ же свѣтѣ нѣтъ тебѣ равной.
 Ты роза изъ цвѣтника «Багъ-Ирана», ²⁾.
 Смотрю на тебя и, какъ соловей среди розъ, я теряю
 сознание...

Ты роза лишь только разцвѣтшая, и, пока ты цвѣтешь,
 Будь милосердной: обѣщай мнѣ свиданіе!
 Ротикъ твой какъ нераскрывшійся бутонъ...
 Одинъ лишь какой-нибудь отшельникъ не влюбится въ тебя.
 Не узнавъ сладости наслажденья, человѣку
 Нельзя умирать, на подобіе звѣря.
 Тѣло твое дышитъ ароматомъ Райханы, ³⁾
 Глаза твои сіяютъ, а зубы—слоновая кость.
 Какъ солнце, дающее свѣтъ землѣ,
 Такъ и ты родилась для того, чтобы плѣнить всѣхъ собою.
 Пальцы рукъ твоихъ, какъ камышъ на рѣкѣ Акъ-Идылѣ;
 Твоя рѣчь и ланиты красивы...
 И мечта о тебѣ, бриллиантъ ⁴⁾ мой, вноситъ свѣтъ въ мою
 темную юрту;
 Нѣтъ на свѣтѣ ничего, что было бы достойно тебя,
 Серебро ты мое драгоцѣнное.

¹⁾ Гуріи.

²⁾ Багъ-Иранъ. По поводу происхожденія этого названія намъ сообщено слѣдующее преданіе: нѣкогда въ Персіи былъ царь Фридаусъ; онъ приказалъ развести такой садъ, которому подобнаго нельзя было найти во всемъ свѣтѣ.

Вотъ и насадили въ нѣсколько десятковъ лѣтъ около города Тегерана такой роскошный садъ, что на землѣ не было равнаго ему по красотѣ, водѣ, деревьямъ и цвѣтамъ; съ тѣхъ поръ всякій садъ, отличающійся необыкновенною красотой, называютъ Багъ-Иранъ по странѣ, въ которой онъ находился: садъ Ирана, садъ Персіи.

³⁾ Райханъ—пахучая трава—базилликъ.

⁴⁾ Султанъ-ходжинъ называлъ «шамъ-чрахъ», что значитъ лучъ свѣчи, т. е. бриллиантъ.

Улыбкой твоей ты сводишь съ ума всѣхъ на свѣтѣ.
 При видѣ походки твоей, при проходѣ вглубь юрты,
 Думаешь,—вотъ идетъ Хурь-дѣвица.
 Гибкій станъ твой стройнѣй балдыргана,⁵⁾
 Юная свѣжесть твоя поспоритъ съ румяной талинкой...
 Пава-красавица, ты ловче марала;
 Ты одна лишь, одна въ моихъ думяхъ.
 (Переведено съ киргизской рукописи, написанной киргизомъ
 Чимкентскаго уѣзда, Арысовской волости, Майлы-ходжа Сул-
 танъ-Ходжинымъ.)

А. Диваевъ.

Киргизскіе афоризмы.

I. Дерево, рубленное топоромъ, оживаетъ и вновь растетъ, тѣло израненное саблей, излѣчивается, а рана, нанесенная языкомъ, не заживаетъ и не поддается никакимъ лѣченіямъ.

II. Противъ каждой горячей силы есть средство тушенія, а именно: огонь тушится водой, ядъ — лѣкарствомъ, горе — терпѣниемъ, любовь — разлукою, но противъ огня злобы и вражды нѣтъ никакихъ средствъ.

III. Истиннаго друга можно спознать при большомъ горѣ.

IV. Если родилось отъ отца шестеро сыновей, то пятеро изъ нихъ должны быть рабами, а одинъ бекомъ. Если же всѣ шестеро будутъ въ разъ беками, то самыя обширныя горныя долины покажутся имъ тѣсными.

(Переведено съ рукописи киргиза Ногай-Куринской волости, Чимкентскаго уѣзда, Иркембека Ахембекова.)

А. Диваевъ.

⁵⁾ Балдырганъ—борщовникъ.

Годъ 20-й.

Кн. LXXVI—LXXVII.

Этнографическое Обозрѣніе

Издание Этнографическаго Отдѣла

Императорскаго Общества Любителей Естествознанія,
Антропологии и Этнографіи,

состояющаго при Московскомъ университетѣ.

1908, № 1 и 2.

Подъ редакціей

Предсѣдателя Отдѣла **В. Д. Миллера**

и

Товарища Предсѣдателя **Н. А. Янгука.**

МОСКВА.

Типографія Императорскаго Московскаго Университета.

1908.

С М Ъ С Ъ.
Ить-ала-казъ.
(Повѣрье).

Не разъ намъ приходилось слышать отъ киргизъ Казалинскаго, Перовскаго и Чимкентскаго уѣздовъ объ оригинальной по своему прозвищу птицѣ ить-ала-казъ, что значить въ переводѣ: „собака—пестрый гусь“¹⁾.

Объ этой птицѣ киргизы разсказываютъ просто чудеса: ить-ала-казъ кладетъ яйца въ старыхъ заброшенныхъ мазарахъ (могилахъ), на безлюдныхъ и возвышенныхъ холмахъ, гдѣ встрѣчаются необитаемыя норы разныхъ звѣрьковъ и т. д. Изъ яицъ выводятся гончія собаки, получившія прозвище „кумай“²⁾. Появляются они крошечными, имѣютъ черную или бѣлую грудь, отличаются необыкновенной быстротой, смѣлостью и ловкостью, такъ что ни одна жертва охоты, подвергшаяся преслѣдованію кумая, не остается не пойманной.

По неопровержимому убѣжденію нѣкоторыхъ киргизъ, ить-ала-казъ подверженъ менструаціи; поэтому эта птица не употребляется ими въ пищу.

Участь кумая-щенка, по словамъ киргизъ, весьма печальна. Какъ только онъ вылупляется изъ яйца, ить-ала-казъ бросаетъ его на произволь судьбы, и онъ неминуемо погибаетъ въ гнѣздѣ голодною смертью. Вотъ почему кумай бываютъ весьма рѣдки, попадаютъ, по выраженію киргизъ, въ руки счастливейшихъ

1) По проверкѣ оказалось, что ить-ала-казъ есть не что иное, какъ обыкновенная атайка.

2) По словарю Л. Будагова „кумай“—гончая собака туркменской породы.

людей сего міра и производятъ на послѣднихъ весьма благодатное дѣйствіе.

Киргизы безусловно убѣждены въ происхожденіи кумая отъ ить-ала-казъ, и всякія попытки наши увѣрить нѣкоторыхъ изъ нихъ въ противномъ остались тщетны; въ отвѣтъ на свои доводы мы получали лишь снисходительную улыбку.

Убѣжденія эти на столько сильны и искренни, что даже передаются и современному молодому поколѣнію. Такъ, напримеръ, намъ случалось говорить съ нѣкоторыми юношами киргизами, получившими воспитаніе въ русскихъ школахъ и, слѣдовательно, вкусившими, до нѣкоторой степени, европейское образованіе; и тѣ неохотно поддавались нашимъ взглядамъ, поддерживая убѣжденія своихъ собратьевъ.

Вообще, если поинтересоваться кочевымъ киргизскимъ бытомъ, можно добыть много цѣннаго и интереснаго матеріала по этнографіи, не бывшаго еще никогда въ печати. Между тѣмъ всѣ эти матеріалы, и даже добрая часть киргизской поэзіи, въ недалекомъ будущемъ отойдутъ въ вѣчность, благодаря быстрому вліянію на киргизъ осѣдлой узбекской культуры.

Вся бѣда въ томъ, что у кочевниковъ нѣтъ ничего писанаго, не говоря уже о печатномъ; до сего времени у нихъ все передавалось изъ поколѣнія въ поколѣніе устно.

Всѣ тѣ старики-представители, если такъ можно выразиться, киргизскаго эпоса, которыхъ не коснулась узбекская цивилизація, быстро вымираютъ, не оставляя по себѣ никакого воспоминанія и унося съ собою въ могилу все, что имъ было извѣстно о родномъ киргизскомъ народѣ.

А. Диваевъ.

Какъ киргизы развлекаютъ дѣтей.

Кто побывалъ хотя бы короткое время среди киргизъ, тотъ знаетъ ихъ чадолюбіе. Міръ киргизскихъ дѣтей не притязателенъ въ средствахъ развлечения. Вотъ картина семейной жизни киргизъ, живо напоминающая намъ знакомыя „ладушки“.

Когда ребята (или даже одинъ ребенокъ) сидятъ и сильно плачутъ, то вотъ способъ прекратить ихъ плачь уловкой. На-

Годъ 21-й.

VI $\frac{6}{8}$
Кн. LXXXIII.

ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Изданіе Этнографическаго Отдѣла
Императорскаго Общества Любителей Естествознанія,
Антропологии и Этнографіи,

состоящаго при Московскомъ Университетѣ.

1909, № 4.

Подъ редакціей

Предсѣдателя Отдѣла *В. Ө. Миллера,*
Товарища Предсѣдателя Н. А. Ангука

и

Секретаря *В. В. Богданова.*

МОСКВА.

Типографія Императорскаго Московскаго Университета.

1910.

1) Загадки необходимо изучать въ связи съ тѣмъ цѣльнымъ произведеніемъ, обрядомъ или частнымъ случаемъ, съ которымъ онѣ связаны, только при такомъ изученіи загадки получаютъ то мѣсто, гдѣ онѣ возникли, тотъ фонъ, на которомъ онѣ рисовались.

2) Древнѣйшія загадки были связаны съ культомъ и съ вѣрованіями, а потому онѣ могутъ быть поняты лишь въ томъ случаѣ, если будутъ изучены въ связи съ вѣрованіями и позднѣйшими повѣрьями и гаданіями. Такое изученіе позволитъ выдѣлить среди загадокъ представленія, связанные съ мифами.

3) Загадки во второмъ этапѣ своего развитія являются испытаніемъ знанія или мудрости. Эти загадки большею частью основаны на литературныхъ источникахъ, а потому требуется прежде всего указаніе такихъ источниковъ. Такое изученіе позволитъ выдѣлить понятія о вещахъ.

4) Загадка, по своему происхожденію, произведеніе серьезное, въ послѣдствіи принимаетъ въ себя элементы занимательности и остроумія, основанные прежде всего на пародированіи старыхъ образовъ, а потомъ на новыхъ шуткахъ. Указаніе такихъ загадокъ должно завершить дѣло изученія загадокъ.

А. Марковъ.

Похищенная царевна.

(Сказка киргизовъ Сыръ-Дарьинской области).

Въ прежнія времена былъ одинъ царь, у этого царя была одна дочь, которая обладала красотой. Эта дочь его въ одну изъ ночей пропала. Всталъ (царь) утромъ, дочери нѣтъ.

Когда, разославъ глашатаевъ, царь собралъ свой народъ, ему отвѣтили, что никто (о пропажѣ) ничего не знаетъ.

Въ тѣ (времена) одна старуха имѣла семь сыновей, всѣ они были находчивые.

— Если кто отыщетъ, такъ они отыщутъ; рѣшилъ царь и потребовалъ къ себѣ семь сыновей старухи.

Если вы отыщете ее, я вамъ уступлю свой тронъ, а ежели не отыщете, сниму вамъ головы, сказалъ (царь).

Помянутые семь царней, не видя другого исхода, общались

отыскать. Когда они выбрались въ степь, да оглядѣлись, имъ удалось напасть на слѣдъ.

Въ тѣ (времена) жилъ еще другой царь, который былъ влюбленъ въ помянутую дѣвицу. Царь этотъ обладалъ (особымъ искусствомъ). Онъ (иногда) надѣвалъ на себя шкуру беркута-великана и (совершалъ) полеты, а когда сбрасывалъ (съ себя) шкуру, снова превращался въ царя.

Заподозрѣвъ этого царя въ похищеніи (дѣвицы), черезъ нѣсколько дней (братья-парни) прибыли въ городъ царя. Одинъ изъ (братьевъ) обладалъ рѣдкою ловкостью. Про такихъ людей обыкновенно говорятъ; „какъ каменная (плоскость) не принимаетъ слѣдовъ, какъ (жидкое) масло (при паденіи) не издаетъ шума и звука“

Вотъ этотъ то молодецъ и отправился за похищенной дочерью царя. Появляется онъ въ домѣ царя и видитъ тамъ птицу-охранителя, а царь съ дѣвицею—спятъ. Подходитъ онъ къ птицѣ-хранителю и начинаетъ ее гладить. Потомъ уѣлся подъ шестъ, на которомъ сидѣла птица, и не давалъ ей заснуть. Какъ только птица задремлетъ, такъ сейчасъ онъ начинаетъ трясти камышъ, производитъ шелестъ и птица просыпается. Такъ продолжалось почти до свѣта. Изнуренная птица заснула. Послѣ этого молодецъ осторожно взялъ дѣвицу и, подложивъ царю въ объятія на-масленную (свернутую) кожу, скрылся съ дѣвицей.

Добрався онъ съ дѣвицею до своихъ шести братьевъ, а оттуда всѣ семеро съ царскою дочерью отправились по направленію къ своему дому.

Проснулась птица - охранитель, смотритъ, дѣвицы нѣтъ. Она тотъ-часъ же полетѣла за семью сыновьями старухи, потому что и ранѣ опасалась ихъ. Догнала она ихъ около берега одной рѣки. Семь братьевъ сидѣли и не замѣчали ея. Тогда птица-охранитель стремглавъ опустилась, подхватила дѣвицу и поднялась къ небесамъ.

— Застрѣли, пожалуйста, эту птицу, сказали шесть братьевъ мергену (охотнику).

— Пусть немного отлетитъ дальше, отвѣтилъ охотникъ.

— Но вѣтъ она улетитъ тогда совсѣмъ, сказали (братья).

Когда птица (съ своей ношей) уже почти стала скрываться отъ взоровъ, охотникъ выстрѣлилъ и попалъ прямо въ птицу,

не причинивъ вреда дѣвицѣ. Судя по направленію полета, (дѣвица и птица) должны были упасть въ озеро.

— Какъ бы дѣвица при паденіи въ озеро не утонула, ты схвати ее, сказали (братья) стоящему тутъ „ловчому“.

Какъ только дѣвица погрузилась въ воду, ловчій подхватилъ ее.

Просыпается (въ это время) царь, глядитъ, дѣвицы нѣтъ, птицы-охранителя тоже нѣтъ. Тогда царь, одѣвшись въ шкуру беркута-великана, полетѣлъ въ погоню за (семью братьями).

— Ты вѣдь хорошій нырокъ, нырни въ одномъ мѣстѣ, а мы послѣдуемъ за тобой, сказали одному своему брату шесть братьевъ, завидѣвъ летающаго царя.

Тогда ловкій нырокъ бросился съ обрыва въ воду и нырнулъ, за нимъ нырнули и прочіе. Замѣтивъ это, послѣдовалъ ихъ примѣру и царь, но онъ ударился грудью (о подводный) камень и тутъ же померъ.

Ловкій нырокъ вынырнулъ какъ разъ противъ урды (дворца) царя, за нимъ вынырнули и остальные. Оказывается всѣ они заранѣе условились вынырнуть въ этомъ самомъ мѣстѣ.

Явились они къ царю и доложили, что привезли его дочь. Когда царь спросилъ ихъ, какимъ способомъ они доставили его дочь, братья показали ему два крыла, дочь тоже указала (на эти крылья).

Послѣ этого царь, по обѣщанію своему, дочь свою соединилъ съ однимъ изъ братьевъ, другому отдалъ свой тронъ, а остальныхъ устроилъ на разныя должности.

Вотъ такимъ способомъ (братья) достигли желаемаго.

(Переведено съ рукописи киргиза Чимкентскаго ульда, Ногай-Куринской волости, Иркембека Ахенбекова).

А. А. Диваевъ.

Какъ 80-ти лѣтняя старуха родила 40 ушей.

(Сказка киргизовъ Сыръ-Дарьинской области).

Въ прежнія времена жили старикъ со старухою, у старухи со старикомъ почти до самой старости не было дѣтей. Въ одинъ изъ дней, когда они, бѣдненькіе, достигли глубокой старости, по всемогуществу Бога, старуха стала проявлять прихоти и просила накормить ее (бараньими) ушами.

Старикъ несчастный, догадываясь, что его 80-лѣтняя старуха забеременѣла, и, питая надежду, что Богъ пошлетъ ему сына, сталъ рыскать по всеѣмъ свадьбамъ и поминкамъ, и, набравъ сорокъ ушей (зарѣзанныхъ) барановъ, принесъ домой. Все это старуха (сваривъ) съѣла и, спустя нѣсколько мѣсяцевъ, родила сорокъ ушей. Всѣ (эти уши) хотя и не походили на людей, но все-таки говорили по-человѣчьи, ходили по-человѣчьи и ѣли по-человѣчьи.

Смотря на нихъ, старикъ со старухой дивилъсь диву. Эти сорокъ ушей стали для нихъ несчастьемъ: ѣдятъ ли—мимо рта проносятъ, ложатся ли,—на постели не помѣщаются, садятся ли,—на мѣстѣ не помѣщаются.

— Да вѣдь это для насъ чистое несчастье, воскликнули старикъ со старухой, и убили всѣ уши.

Нужно сказать, что когда избивали, одно ухо спряталось и притаилось въ такомъ мѣстѣ, гдѣ не могъ видѣть человѣкъ.

Что касается скота, старикъ со старухой имѣли (только) одну черную одногорбую верблюдицу. Она была беременна и въ одинъ изъ дней воспроизвела (на свѣтъ) верблюженка.

Восхищаясь изобиліемъ молока, какъ-то старуха съ укоромъ произнесла: „Чтобъ тебѣ, старикъ, посохнуть. Перебилъ всѣ уши, хоть бы одно ухо оставилъ въ живыхъ. Оно бы теперь сидѣло у котла, да лизало бы молочную пѣнку“.

Услышавъ эти слова старухи, спрятавшееся ухо, со словами: „о, мама, а меня куда дѣнешь?“—предстало предъ ней.

— Дитя мое, гдѣ ты до сего времени было? Какъ хорошо, что ты пришло, сказала старуха и посадила ухо на ушко котла, давъ ему въ руки ложку, чтобы оно лизало (молочную) пѣнку.

Несчастное ухо, забравшись на ушко котла, сидѣло и лизало пѣнку, озираясь кругомъ и считая находящихся въ юртѣ людей.

Посидѣвъ немного, старикъ со старухой вышли на дворъ.

Несчастное ухо, придумавъ какую то хитрость, вновь спряталось. Такъ что старикъ со старухой опять забыли про него.

Спустя нѣсколько дней кое-кто собрался ѣхать за солью.

— Если бы мои уши были живы, развѣ я не отправила бы ихъ вотъ съ этими людьми на нашемъ черномъ одногорбомъ верблюдѣ за солью, произнесла съ сожалѣніемъ старуха.

— Мама, вѣдь я живо, приготовьте скорѣе черного верблюда, я поѣду, сказала спрятавшееся ухо,—подбѣжавъ, испуская вѣтры, къ старухѣ.

Обрадованная бѣдная старуха, пригваривая: „добро пожаловать, свѣтикъ мой“, приготовила верблюда.

Несчастное ухо усѣлось верхомъ на чернаго верблюда, улыбнулось отъ удовольствія и поѣхало.

— О, свѣтикъ мой, я тебѣ долженъ сдѣлать одно наставленіе. Если въ дорогѣ будетъ дождикъ, то ты не прячься подъ листьями; не равенъ часъ, тебя можетъ съѣсть, по незнанію, вмѣстѣ съ листьями черныи верблюдъ. Тогда будетъ плохо, сказала старикъ передъ выѣздомъ уху.

Сказавъ: „хорошо“, ухо выѣхало въ путь.

Продолжая путь, ухо, спрятавшись подъ жазы, ¹⁾ стало выкрикивать: „о, люди, и на чернаго верблюда навьючите три капа соли“!

Услыша эти возгласы, люди поражаются. Однако пораженные люди навьючиваютъ три капа соли на чернаго верблюда.

— Эхъ, мой черныи верблюдъ, вези кладъ по направленію къ (нашему) аулу, мой черныи верблюдъ, приговариваетъ ухо.

Продолжая такъ путь къ аулу, пошелъ дождикъ.

Несчастное ухо стало забнуть. Тогда оно слѣзло съ верблюда на землю, забилось подъ двумя листьями и заснуло.

Черныи верблюдъ, щипля траву, съѣлъ вмѣстѣ съ листьями и ухо. Затѣмъ, продолжая пасться, добрался, не заблудившись, и до своего аула.

Сидя въ желудкѣ верблюда, ухо стало выкрикивать: „о, отецъ и мать, меня вы (больше) любите, или чернаго верблюда?“

— Свѣтикъ мой, тебя я больше люблю, сказалъ старикъ.

— Если вы меня больше любите, то зарѣжьте чернаго верблюда, насытитесь его кровью и мясомъ. Я вѣдь сейчасъ сплю въ желудкѣ чернаго верблюда, отвѣтило ухо.

Послѣ того несчастныи старикъ, наточивъ ножъ, зарѣзалъ чернаго верблюда. Осмотрѣлъ онъ желудокъ, кишки, но ухо не нашелъ. Только не осмотрѣлъ „худой желудокъ“. Если бы оно тамъ оказалось, то навѣрное задохнулось бы, заключилъ старикъ.

Но ухо, придумавъ какую-то хитрость, молча оставалось внутри худого желудка.

¹⁾ Жазы—кошма подъ сѣдломъ у одногорбаго верблюда. А. Д.

Выбросивъ худой желудокъ въ поле, (старикъ со старухою) отточевали съ этого мѣста на другое.

Набрелъ волкъ п, увидѣвъ валяющійся худой желудокъ, обрадовавшись, съѣлъ его. Утоливъ свой голодь, побѣжалъ онъ дальше.

Въ одинъ изъ дней волкъ опять проголодался, и смѣлость покинула его.... Какъ замыслить онъ наброситься на барановъ пастуха, а ухо, (сидя въ желудкѣ его), кричитъ: „пастухъ, пастухъ! на твоихъ барановъ хочеть наброситься волкъ“.

Очутился волкъ въ большой бѣдѣ.

Вотъ онъ прибѣжалъ къ лисицѣ и говоритъ, что какъ-то въ степи онъ съѣлъ „худой желудокъ“ и съ тѣхъ поръ нажилъ себѣ бѣду: какъ лишь задумаетъ онъ наброситься на барановъ пастуха, такъ сейчасъ изъ его чрева слышится крикъ.... „Просто бѣда“, жаловался лисицѣ волкъ.

Теперь послушайте одну хитрую продѣлку лисицы.

— Хорошо, отъ этого есть очень полезное лѣкарство, сказала съ улыбкой лисица. Ты сначала (безъ передышки) побѣгай, туда сюда, а потомъ сядь на ледъ и сиди.

Соглашаясь съ совѣтомъ лисицы и, воскликнувъ: „да это совѣтъ удобное лѣченіе“—волкъ началъ скакать по всеѣмъ направленіямъ. Бѣгалъ онъ до изнеможенія и пота, а потомъ несколько не медля, усеѣлся на ледъ. Сидѣлъ волкъ на льду съ заката солнца до самаго разсвѣта, такъ что ноги и хвостъ его совѣемъ примерзли ко льду. Пробуетъ онъ подняться, да не можетъ. Совѣемъ осрамился (волкъ), да еще на самой (проѣзжей) дорогѣ. Сидитъ онъ и печалится: „зададутъ же теперь мнѣ, несчастному“!

Пока волкъ озирался вокругъ себя, какъ въ это время наѣхалъ на него какой то путникъ. Смотритъ, сидитъ волкъ. Онъ тутъ же однимъ ударомъ убилъ его, содралъ шкуру и поѣхалъ дальше. Ухо въ это время незамѣтно забралось въ карманъ путнику.

Нужно сказать, что путникъ былъ не одинъ, ихъ было трое.

Подъѣзжая къ одному аулу, они начали переговоры о ночлегѣ. Хозяинъ юрты спрашиваетъ, сколько ихъ человекъ, путники отвѣчаютъ, что ихъ трое.

— Чтobъ вамъ подохнуть! отвѣчайте, что васъ со мною четверо, кричитъ въ это время ухо.

Когда хозяинъ юрты не согласился принять четверыхъ, путники поѣхали на ночлегъ въ другой аулъ.

Хозяинъ этой юрты оказался богатымъ человѣкомъ, онъ велѣлъ зарѣзать животное и, сваривъ мясо, подалъ (гостямъ). Ухо въ это время, просверливъ дно чашки (въ которой было подано мясо), успѣло насытиться. Хозяинъ, замѣтивъ, что гости не наѣлись, снова сварилъ мяса и подалъ гостямъ. Такимъ образомъ (ухо) надѣлало много хлопотъ хозяину.

Послѣ того всѣ находящіеся въ юртѣ легли и заснули.

У богача-хозяина были двѣ взрослые дочери. Онѣ не спали и все хохотали.

— Ну, ужъ и гости, нечего сказать, и остатковъ отъ ужина не дали, продолжали дѣвѣцы¹⁾.

— Будьте терпѣливы, вы тоже поѣдите остатковъ, сказала имъ въ это время ухо.

Такъ дѣвѣцы и заснули.

Ночью ухо встало, зарѣзало беременную козу и, вынувъ изъ утробы ягненка, положило между двумя (спящими) дѣвѣцами, голову ягненка подбросило между двумя путниками, къ бородѣ хозяина привязало косы жены его, служанку рабыню привязало къ маслобойнѣ, а пастуха къ кусту полыни.

Потомъ ухо сѣло въ передній уголъ, взяло въ руки колотушку и стало кричать: „Хозяинъ, вставай скорѣй, на барановъ твоихъ волкъ нападаетъ“!

Тутъ всѣ проснулись.

— О, несчастная моя головушка! вотъ этого ребенка или я родила, или ты родила, говорить (въ ужасѣ) одна изъ дѣвѣцъ другой.

— Эту голову или ты родилъ, или я родилъ, спрашиваетъ одинъ изъ путниковъ другого.

Въ то время, какъ хозяинъ съ хозяйкой распутывали свои волосы, несчастное ухо погнало цѣлый гуртъ барановъ домой. Пригнавъ ихъ домой, ухо обогатило старика со старухой.

¹⁾ У киргизовъ существуетъ своеобразный обычай. Хозяева никогда не садятся съ гостями за трапезу, это считается неприлично. Хозяинъ въ это время сидитъ въ сторонѣ. На обязанности гостей лежитъ накормить хозяевъ остатками отъ трапезы. А. Д.

А между хозяиномъ и хозяйкой, путниками и дѣвцами, послѣ ухода уха съ баранами, произошла ссора и драка, съ чѣмъ они остались тамъ.

(Переведено съ рукописи кирмиза Перовскаго уезда, Кысъ-Бурутской волости, Пиръ-Мухамеда Тойтанова).

А. А. Диваевъ.

• Представленія османцевъ о небесныхъ тѣлахъ.

(Матеріалы).

Солнце. Ослѣпительную яркость лучей солнца народъ объясняетъ себѣ такимъ образомъ. Нѣкогда солнце было красавицей-дѣвушкой, на которую всѣ засматривались. Солнцу наскучило въ концѣ концовъ видѣть вокругъ себя надоѣдливыхъ ухаживателей, и оно, разсердившись, стало слѣпить глаза.

Записано въ Константинополь отъ уроженца Кара-хисара Сивасскаго вилайета.

Луна. Мать, боясь, какъ-бы не сглазили ея красавца-сына, однажды плеснула ему въ лицо грязной тряпкой, которой вытирала, послѣ ѣды, посуду. Съ тѣхъ поръ и видѣются на лунѣ пятна, а о прежней красотѣ нѣтъ и помину.

(Отъ него-же).

Звѣзды. У каждого человѣка на небѣ есть своя звѣзда. Однѣ звѣзды горятъ ярко, другія—тускло, третьи, наконецъ, едва-едва замѣтны глазу. Яркія звѣзды,—думаетъ народъ,—принадлежать здоровымъ людямъ, тусклыя — хворымъ, а какъ-бы гаснущія—людямъ умирающимъ. Нерѣдко народъ забирается вечеромъ на холмъ и, любуясь оттуда небомъ, начинаетъ угадывать свои звѣзды. Если какая-нибудь звѣзда покатится съ неба, народъ говоритъ: „ну, видно, кто-то умеръ“!

(Отъ него-же).

Млечный путь („Саман јолу“). Какъ-то три человѣка собрались воровать. Они прокрались въ сѣнникъ сосѣда, и, погрузивъ солому къ себѣ на возъ, поѣхали обратно. Вдругъ они видятъ, что солома сыплется съ воза по землѣ. Тогда въ страхъ, что обнаружится ихъ продѣлка, они воззвали къ Богу: „Боже, не открывай

1 $\frac{8}{4}$
— 4
Годъ 22-й.

Кн. LXXXIV.—LXXXV.

ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Изданіе Этнографическаго Отдѣла
ИМПЕРАТОРСКАГО Общества Любителей Естествознанія,
Антропологии и Этнографіи,
СОСТОЯЩАГО ПРИ МОСКОВСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ.

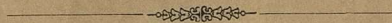
1910, № 1. 2.

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

Предсѣдателя Отдѣла *В. Ө. Миллера,*
Товарища Предсѣдателя Н. А. Янгука

И

Секретаря *В. В. Богданова.*

МОСКВА.

Типографія Императорскаго Московскаго Университета.

1910.

Заклинаніе и призывъ вѣтра.

(Изъ киризскихъ повѣрій).

Въ бытность мою въ г. Чимкентѣ, въ февралѣ мѣсяцѣ 1891 года, цѣлыя сутки продолжался сильный и порывистый вѣтеръ.

По этому поводу мнѣ пришлось говорить съ туземцами, и мѣстные сарты, между прочимъ, рассказали мнѣ довольно курьезный обычай заклинанія вѣтра, существующій у нихъ съ древнихъ временъ ¹⁾. Привожу рассказъ цѣликомъ.

Во время сильныхъ вѣтровъ, въ лѣтнее время, а именно, когда колосится и созрѣваетъ хлѣбъ, старухи-сартянки садятся верхомъ на песты, берутъ въ руки длинные хворостины, навязываютъ на нихъ разноцвѣтныя тряпки и, вымазавъ сажею лицо, отправляются по улицамъ.

Затѣмъ, подражая ржанію жеребца, онѣ начинаютъ кричать и прыгать на встрѣчныхъ мужчинъ, приговаривая:

О, чаль-мама, чаль-мама! ²⁾
 Не найдешь себѣ ты мѣста—чаль-мама,
 Ты разсыпала созрѣвшій колосъ проса—чаль-мама,
 Ты развѣяла кучи соломы ³⁾ по ложбинамъ, чаль-мама.
 О, чаль-мама, чаль-мама!
 Ты срываешь камни, крѣпко прилипшіе къ землѣ,
 Ты ломаешь круглые головки маша ⁴⁾—чаль-мама.
 О, чаль-мама, чаль-мама!
 Я прекращу твою бурю, чаль-мама,
 Я сломаю твой порывъ, чаль-мама,
 Ты наскучила нашему селеню,
 Навлеку я смерть на голову твою, будь увѣрена въ этомъ,
 чаль-мама.

(Обращаясь къ населенію):

Прогонимъ-же, съ помощью „Худай“, бурю,

¹⁾ Такой-же обычай существуетъ и въ Ташкентѣ, но здѣсь старухи бьются и румянятся, вмѣсто того, чтобы мазаться сажей.

²⁾ Говорить „чай-мама“, но это неправильно; чай-мама безсмыслица, а чаль-мама въ переводѣ значитъ „сѣдая старуха“.

³⁾ Съ гумень.

А. Д.

⁴⁾ Машъ—родъ мелкаго гороха.

А. Д.

Подавайте щедро, чтобы сыпалось по дорогѣ,
„Подавайте такъ, чтобы лилось по дорогѣ“.

Заслышавъ возгласъ старухъ, каждый домовладѣлецъ даетъ имъ зерновой хлѣбъ и деньги, а затѣмъ на все собранное устраивается на могилѣ святого общій обѣдъ „худаи“.

По убѣжденію туземцевъ, природа не въ состояніи бороться съ столь сильнымъ заклинаніемъ, и буря неминуемо должна утихнуть....

Ниже мы приводимъ обратное явленіе, т.-е. повѣрье о призвѣвѣ вѣтра, записанное нами со словъ киргиза Перовскаго уѣзда, Кыс-бугутской волости, рода Алчинъ, Пирмухаммеда Тайтанова. Кочевники-земледѣльцы не имѣютъ еще ни малѣйшаго представленія о существованіи механическихъ земледѣльческихъ орудій, и дѣлается ими все первобытнымъ способомъ. Въ силу сихъ обстоятельствъ имъ приходится иногда прибѣгать къ помощи народныхъ примѣтъ и повѣрій. Такъ, напримѣръ, призывается вѣтеръ въ то время, когда настанетъ пора вѣять.

Кому не извѣстенъ допотопный способъ вѣянія! Пользуются имъ и наши киргизы. Берутъ они обыкновенно лопату, захватываютъ зерно, смѣшанное съ мелкой соломой, и подбрасываютъ вверхъ, дабы зерно очистилось отъ соломы. Тутъ-то и необходимо вѣтеръ, чтобы сдувало солому въ сторону. Его нѣтъ, нужно значить вызвать. И вотъ, алчущій вѣтра киргизъ начинаетъ выкрикивать заклинаніе своихъ предковъ:

О, Джалангашъ-ата ¹⁾, вызывай, вызывай вѣтеръ!

Чтобы взвился онъ чернымъ туманомъ,

Съ силою и съ бураномъ.....

Чтобы раздувалъ онъ лохмотья на голышѣ,

Дабы блестяло его тѣло.

Пусть сдѣлаетъ (вѣтеръ) такъ, чтобы оголилась голова съ коростою ²⁾.

¹⁾ „Джалангашъ-ата“, въ переводѣ значить „голый-отецъ“. Это, очевидно, приговорка, вродѣ нашей: „Голодъ не тетка, а холодъ не дядя“.

²⁾ Здѣсь довольно часто можно встрѣтить малолѣтнихъ и взрослыхъ туземцевъ съ коростою на головѣ. Болѣзнь эта, очевидно, прививается отъ нечистоплотности. Людей, съ такимъ недугомъ, туземцы пазываютъ „тазъ“. Что можетъ быть несчастнѣе таза. Съ дѣтскаго возраста и до зрѣлыхъ лѣтъ, онъ подвергается насмѣшкамъ: сбрасываютъ съ него тибетейку, кричатъ ему вслѣдъ и т. д.

Въ этомъ повѣрѣѣ, фразу: „Оголилась голова съ коростою“, слѣдуетъ понимать: чтобы вѣтеръ сорвалъ шалку или тубейку таза.

Вѣтеръ красный ¹⁾, со свистомъ!

О, вѣтеръ красный! бушуй, собравши всѣ силы;

Ты тотъ буйный вѣтеръ, который стремится

Черезъ высокія вершины горъ...

О, свирѣпый вѣтеръ! нескончаемо гудишь ты съ востока!

Отъ паденія широкаго горнаго потока

Волнуется блестящая поверхность тихаго озера...

Собравши всю свою мочь,

Засвищу ²⁾ я подобно удаву.

Приди-же, вѣтеръ, приди скорѣе,

Вызываю тебя со свистомъ змѣи,

Возсылаю тебѣ свой Уранъ ³⁾,

Ибо, я не могу слудать, подобно тебѣ, солому.

О, вѣтеръ, вѣтеръ! по волѣ твоей катится безконечно

Ибелекъ ⁴⁾

По дуновенію твоему тухнетъ огонь,

Летя со стремительной силой,

Ты подметаешь поверхность земли....

О, вѣтеръ! вызываю, вызываю тебя на помощь!!

По словамъ Пирмухаммеда Тайтанова, а также нѣкоторыхъ киргизъ Перовскаго уѣзда, означенныя выше приговорки слѣдуетъ повторять какъ можно чаще, ибо-де это ускоряетъ появленіе вѣтра и усиленіе его.

А. Диваевъ.

1) У киргизъ принято называть краснымъ вѣтромъ тотъ, который поднимается въ Кызыл-кумахъ, находящихся въ предѣлахъ Перовскаго, Ташкентскаго, Джизакскаго и нѣкоторыхъ другихъ уѣздовъ.

2) У многихъ туземцевъ и даже татаръ, живущихъ въ Европейской Россіи, сохранилось повѣрье, что свистомъ можно вызвать вѣтеръ.

3) „Уранъ“—киргизскій боевой кличъ, вызывающій на помощь. А. Д.

4) „Ибелекъ“—сухая колючка, имѣющая правильную шарообразную форму, достигающая до 2-хъ футовъ въ діаметрѣ. Это растеніе распространено по всему краю; у Сыръ-Дарьи является рѣже. Самаго полнаго развитія оно достигаетъ въ огромной соляной пустынѣ между Эмбой, Каспійскимъ моремъ и Устюртомъ.—См. „Флора нашихъ средне-азиатскихъ владѣній“. Соч. И. Кирѣевскаго, изд. 1874 г. А. Д.

Л Е Г Е Н Д А

о происхожденіи Кара-Киргизовъ.

Переводъ съ киргизской рукописи, добытой въ Ташкентскомъ уездѣ.

Поведемъ мы рѣчь отъ праотца нашего Азрета-Адама. Въ откровеніи Божьемъ, снисшедшемъ съ неба, говорится, что когда Азретъ-Адамъ пребывалъ въ раю, Господь Богъ строго повелѣлъ ему, чтобы онъ не вкушалъ плодовъ пшеничнаго дерева, а если ослушается, то будетъ изгнанъ изъ рая ¹⁾.

Шайтанъ ²⁾, да будетъ онъ проклятъ ³⁾, успѣлъ всевозможными средствами сбить съ пути прабабушку нашу Еву. Послѣ того она покушала плодовъ пшеницы и, принеся также Азретъ-Адаму,— сказала: „плоды эти, оказывается, неподобно сладки, покушайте“.

Азретъ-Адамъ, да будетъ надъ нимъ миръ, *соблазнились и покушали пшеницы*. Какъ только Азретъ-Адамъ (покушали плодовъ

1) „Господи нашъ, мы погубили души наши; если Ты не простишь намъ и не помидуешь насъ, то мы будемъ несчастны“.

Слова эти были произнесены Адамомъ послѣ грѣхопаденія. См. Коранъ, гл. 7 стихъ 22.

2) *Шайтанъ*, или *Азазиль-Шайтанъ*. Рай и адъ созданы Богомъ до сотворенія міра за нѣсколько тысячъ лѣтъ. Въ аду (дузахъ) изъ огня Богъ создалъ джинна, который назывался „Мариджъ“, а изъ одного ребра его была создана жена его „Марджа“; долго они жили въ аду, поклоняясь Богу. Спусти нѣсколько тысячъ лѣтъ Марджа родила Азазилю. Онъ такъ усердно молился Богу, что въ аду даже съ ладопь не осталось мѣста, котораго-бы онъ не коснулся своимъ лбомъ, и вотъ Богъ принявъ его въ рай (бехшитъ) и назначилъ старшимъ надъ всеми Ангелами. Азазиль оставался въ раю нѣсколько тысячъ лѣтъ и все молился. Каждый день онъ видѣлъ „лаухъ“, т. е. доску, на которой перомъ могущества Бога начертано предопредѣленіе Его. На лаухъ была, между прочимъ, такая надпись: „Одинъ изъ моихъ рабовъ долженъ отступать отъ моихъ повелѣній и долженъ онъ поэтому пасть подъ моимъ проклятіемъ“. Каждый день перечитывалъ это предопредѣленіе Азазиль и каждый разъ самъ проклиналъ того, кто престоупитъ волю Бога. Создавъ этотъ міръ и сотворивъ Адама изъ глины, Богъ вознесъ его на небо, помѣстивъ въ раю, назначилъ его старшимъ надъ ангелами и приказалъ всѣмъ имъ, въ томъ числѣ и Азазилью, поклониться Адаму; всѣ ангелы исполнили волю Бога, только Азазиль одинъ отказался, оправдываясь тѣмъ что Адамъ сотворенъ изъ глины, а онъ изъ огня. Богъ проклялъ Азазилю и выгналъ вонъ изъ рая. Съ тѣхъ поръ Азазиль былъ названъ „шайтаномъ“, т. е. проклятымъ. См. Коранъ и Сбор. матер. для Стат. Сыръ-Дар. обл.“, т. VI.

3) Слова, произносимыя при каждомъ упоминаніи имени шайтана. А. Д.

пшеницы), съ плечъ ихъ тотчасъ-же спало райское одѣяніе и они остались голыми. Какъ они ни просили деревья дать имъ свои листья (чтобы прикрыться), деревья не дали. Наконецъ финиковая пальма дала имъ свои листья, и они, покрывъ свою наготу этими листьями, вышли изъ рая.

Въ то время, когда Азретъ-Адамъ и Ева покинули рай, на этомъ свѣтѣ не было ни луны, ни солнца и было очень темно. Благодаря этой темнотѣ Азретъ-Адамъ и Ева потеряли другъ друга и бродили врозь сто лѣтъ. Азретъ-Адамъ все время блуждалъ со слезами и все повторялъ откровеніе Божіе: „*Адамъ, живи ты съ твоею супругою въ раю: вкушайте отъ него въ удовольствіе себя вездѣ, идъ ни хотите; но не приближайтесь къ этому дереву, чтобы вамъ не сдѣлаться преступниками*“¹⁾.

По истеченіи ста лѣтъ, онъ (Адамъ) встрѣтился съ Евой. Подробностей столѣтней разлуки мы не станемъ здѣсь описывать, заняло бы много мѣста, а отмѣтимъ только о кара-киргизахъ.

Послѣ встрѣчи Азрета-Адама съ Евой, прабабушка наша Ева стала ежегодно рожать по одному сыну и по одной дочери. Перваго сына Евы звали *Кабилемъ* (Каинъ²⁾); на слѣдующій годъ Ева родила еще одного сына и одну дочь. На этотъ разъ новорожденнаго сына назвали *Абилемъ* (Авель)³⁾. Спустя много дней Кабилъ и Абилъ достигли совершеннолѣтія. Въ одинъ изъ дней они отправились на охоту. Во время охоты Кабилъ сказалъ (Абилю): „Если мы будемъ жениться, то я возьму хорошенькую дѣвицу“.

„Нѣтъ, братъ мой, Всевышній Создатель повелѣлъ, чтобы каждый бралъ свою пару“, сказалъ Абилъ.

Нужно замѣтить, что дѣвица, которая родилась вмѣстѣ съ Кабилемъ, была крайне некрасивая, а дѣвица, родившаяся съ Абилемъ, обладала рѣдкой красотой. Поссорившись изъ-за дѣвицы, Кабилъ ударилъ Абиля камнемъ и убилъ его.

Не подозрѣвая, что Абилъ умеръ, Кабилъ таскалъ его на себѣ

1) См. Коранъ, гл. 2 стихъ 33.

2) Въ преданіи рассказывается такъ: Ева родила 70 паръ близнецовъ, по сыну и по дочери въ каждый разъ. Кабиля (Каина) родъ состоялъ изъ 37000 мужчинъ и женщинъ. См. „Миссіонер. противомусульман. сборн.“ вып. IV изд. 1874 г. стр. 106.

3) А Абиля (Авелевъ) родъ состоялъ изъ 47000 мужчинъ и женщинъ. См. тамъ же.

по степи цѣлыхъ десять дней и никакъ не могъ объяснить, что именно случилось съ Абилемъ. Наконецъ, выбившись изъ силъ съ голода и отъ своей ноши, онъ присѣлъ на землю. Въ это время спустились съ неба двѣ вороны и стали клевать другъ друга. Одна изъ нихъ заклевала другую; та, которая осталась живой, выкопала ямку и зарыла заклеванную ею ворону. Взявъ примѣръ съ этихъ воронъ и убѣдившись, что Абилъ умеръ, Кабилъ выкопалъ яму и похоронилъ въ ней Абиля, а затѣмъ отправился домой.

По возвращеніи Кабиля, Азретъ-Адамъ спросилъ его, гдѣ Абилъ, Кабилъ, опасаясь сознаться, сказалъ, что Абилъ умеръ и что онъ, Кабилъ, похоронилъ его и вернулся.

Азретъ-Адамъ, догадавшись, что Кабилъ убилъ Абиля, выругалъ его, избилъ и прогналъ отъ себя, давъ ему двухъ (вышеупомянутыхъ) дѣвицъ. Послѣ того Кабилъ отправился въ горы, ловилъ тамъ дикихъ звѣрей и поддерживалъ этимъ свое существованіе.

Такимъ образомъ, кара-киргизы произошли отъ Кабиля и стали жить съ тѣхъ поръ въ горахъ. Между кара-киргизскими женщинами встрѣчаются очень красивыя и очень дурныя. Это объясняется тѣмъ, что красивыя ихъ женщины происходятъ отъ той дѣвицы, которая родилась вмѣстѣ съ Абилемъ, а дурныя отъ той, которая родилась съ Кабилемъ.

Легенду эту нѣкоторые (киргизы) рассказываютъ иначе, но то, что изложили мы здѣсь, будетъ вѣрнѣе.

Выше мы говорили, что когда Азретъ-Адамъ и прабабушка наша Ева выходили изъ рая, то покрыли свою наготу листьями финика. Въ наше время одежда у насъ изготовляется изъ матеріи, добываемой изъ хлопчатника. Хлопокъ впервые сталъ произрастать отъ капель, падавшихъ на землю съ финиковой пальмы, откуда мы потомъ стали добывать вату¹⁾.

1) Въ той же книгѣ на стр. 99—100, преданіе о происхожденіи хлопка рассказывается иначе, а именно:—дерево *индусиръ* дало Адаму и Евѣ пять листьевъ; они закрыли свою срамоту и вышли. Послѣ, когда они сдѣлали себѣ одежды, одинъ изъ этихъ листовъ съѣлъ дикій звѣрь, и отъ него произошелъ мускусъ; одинъ листокъ съѣлъ быкъ и отъ него произошла амбра; одинъ листокъ съѣла пчела и отъ нея произошелъ медъ; одинъ листокъ съѣлъ шелковичный червь и отъ него произошелъ шелкъ; одинъ листокъ Адамъ

А стали мы носить одежду изъ бумаги хлопчатника по той причинѣ, что это осталось намъ въ наслѣдвіе издревле ¹⁾.

А. Диваевъ.

Легенды и сказанія кумыковъ ²⁾.

Мною записаны были кумыкскія легенды и сказанія, которыя, по моему мнѣнію, относятся къ различнымъ историческимъ эпохамъ жизни кумыкского народа. Записаны они были со словъ странствующихъ кумыкскихъ *думъ* или сказителей. Считаю излишнимъ сообщить нѣкоторыя свѣдѣнія о кумыкскихъ пѣвцахъ.— Пѣвцы-сказители у кумыковъ, какъ и у другихъ народовъ, являются выразителями общественнаго самосознанія, носителями традицій старины и ея великихъ дѣятелей. Въ нихъ воплотился поэтической духъ народа, творенія котораго неизсякаемымъ источникомъ льются изъ устъ этихъ скромныхъ пѣвцовъ подъ аккомпанементъ ихъ любимаго струннаго инструмента хомуза (родъ домры). Къ своему искусству слагать пѣсни они никогда не относились какъ къ простому времяпровожденію, служащему для развлеченія толпы. Даровитѣйшіе изъ нихъ на даръ пѣснопѣній смотрѣли всегда какъ на особый даръ свыше, а свое назначеніе полагали въ пробужденіи высокихъ чувствъ, свойственныхъ человѣческому достоинству, — искренняго благочестія, простоты жизни, чувства правды, свободы, любви къ родинѣ и самопожертвованія ради ея блага и блага общественнаго. И въ настоящее еще время обращаютъ на себя вниманіе нѣкоторыя характерныя особенности въ обыденной жизни этихъ думъ-сказителей (ирчи), которыя подтверждаютъ только что высказанное нами мнѣніе,—это, именно, актъ передачи тавариховъ (сборниковъ пѣсень) умирающимъ пѣвцомъ своему достойному преемнику. Дѣйствительно, говорятъ, это

посадилъ въ землю и отъ него произошелъ хлопчатникъ; все это до воскресенія стало служить украшеніемъ потомкамъ Адама. А. Д.

¹⁾ О кара-киргизахъ см. „Живую старину“, вып. III и IV 1896 г., работу Н. А. Аристовъ „Замѣтки объ этническомъ составѣ тюркскихъ племенъ и народностей“ и книгу Н. И. Гродекова: „Киргизы и кара-киргизы“. А. Д.

²⁾ Въ „Этн. Обзор.“, 1905, № 2—3, кн. LXV—LXVI, стр. 148—164 была помѣщена уже часть кумыкскихъ легендъ, записанныхъ А. К. Шемшединовымъ. Здѣсь печатается еще нѣсколько его же записей, служащихъ какъ бы дополненіемъ къ изданному матеріалу. *Ред.*